

*Влюбиться по-настоящему — непросто,
а порой бывает страшно любить.*

Глава 1

— Нет в лес хода, — вещала старуха, выставляя на стол котелок с кашей и тарелку с хлебом. А чтобы придать большего веса словам, она несколько раз качнула седой головой. — Запомни, что говорю, и носа туда не кажи.

Печаль какая. А меня ведь кашей ни корми, дай по лесу погулять.

— Охотники ходят? — решила уточнить.

— А чего им не ходить? Испроси на окраине разрешения да отправляйся на промысел.

— И за ягодой местные ходят? — скосила глаза на корзину, поставленную на подоконник.

— За ягодой-то чего не наведаться? Опушечку поближе выбирай и собирай.

— А грибы у вас, — кивнула на висящие под потолком сушеные связки, — не из леса?

— Откуда еще грибам взяться? — хмыкнула старуха.

— Выходит, что тропинка проторена?

Она глянула на меня и снова качнула головой, нахлившись, точно седая ворона.

— Послушай, девка, дело говорю! А больше никто толкового не скажет. Вот какие вы нынче пошли: старость не уважаете, опыта не перенимаете. Но только в лесу зло живет. Давненько. В самой темной чаще.

— А облик у него есть? Или это просто злая темная чаша?

Старуха погрозила скрюченным пальцем.

— Ишь языкатая! Чего Вашек в тебе нашел? Соблазнила небось?

Я вздернула подбородок и промолчала. Уж кто кого соблазнил? Сам Вашек полгода мне прохода не давал, с того раза, как наведался в наш салон с собачкой очередной однодневной подружки. Теперь вот в деревню затащил, а сам на встречу с друзьями помчался и мне отличную компанию подобрал.

— Жил прежде человек один, сказывают, — продолжила старуха, явно не в первый раз повествуя эту историю, — непростой он был, того умел, чего остальные не могли. Только не ради добра. Вот и сослали его подальше от жилья людского в лесную чащу. Там, говорят, и заперли, а затем домик из бревен возвели. На двери замки повесили, на окнах ставни заколотили. Замкнули круг, стену из кольев ощерили, а кругом ограду железную с шипами поставили.

— А шипы ядом смазали?

Старуха фыркнула. Я же решила уточнить более неприглядный момент касательно расплывчатого «заперли».

— Вокруг чего домик-то возвели? Не над гробом хрустальным?

— Это только в сказках ваших хрустальные, а на поверку гранит лучше. Да и на что гроб? В них умерших кладут.

— А его живьем хоронили?

— Живьем не живьем только тем ведомо, кто в ту пору жил. А нам лишь предупреждение осталось, поскольку одни его замкнули в лесу, а расплачиваться другим пришлось. Девки пропадать стали. Одна за другой. Кто подальше в лес забредет, та назад не вернется. Еще,

говорят, зверья меньше в чаще стало, а птицы и вовсе перевелись.

— Не нашли девок?

— Некоторые возвращались, но не в себе. И слова сказать не могли, где были, что делали.

— Родители их не пошли в чащу со злом разобраться?

— Девки не местные-то. Все больше пришлые, как ты. Кто без отца и без матери. Из приюта, что между городом и деревней построили.

— Хорошее у вас зло, правильное. Своих не трогает. Старуха прищурилась.

— Ты, Вашек говорил, совсем без семьи.

— У меня родные есть, и я не росла в приюте.

Как обычно в похожих ситуациях, рука потянулась к кулону с прозрачным янтарным камнем, ограненным витой серебряной косичкой. Его оставила на память родная мать, прежде чем бросила, но я верила, будто кулон приносил удачу. По крайней мере вот так схватиться за него при случае отчего-то помогало ощутить уверенность в себе. Не одна я была. А уверенность, как известно, где надо горы свернет, а где не надо рвы прокопает. И уж точно невзначай — хотя в данном случае нарочно — брошенные слова не обидят и боли не причинят.

— По родственникам скиталась? Наслышана я.

Вашек — зараза! Зачем рассказал?

— Всю жизнь не знали, куда приткнуть сиротинушку. Небось перевели дух, когда выросла. И на что вы такие парней пригожих ловите?

Ага. Плохая девка, очень плохая. Кровинушку из семьи уводит, беспризорница. Правильного и хорошего кровинушку, который до встречи со мной в студенческих угарах о семье только тогда вспоминал, когда на очередную пирушку не хватало.

— А мы любим их заманивать. Вот как ваше зло из чащи.

— Он тебе подобных особенно и любит.

— Вашек?

— Тот самый, из леса.

— Пф! — я не удержалась. Ну уж очень похоже прозвучало на детскую страшилку. Тот самый из леса, который живет в темной чаще. Любят же старые люди небылицы собирать на пустом месте, а после каждому встречному рассказывать. Я какой-то период жизни провела у пожилой родственницы, тоже наслушалась.

— А на что ему девушки? — решила подзадорить старуху, а та в ответ зашлась хриплым каркающим хохотом.

— А Вашек не объяснял, зачем мужику девка?

— Так зло не просто человек? Он еще и мужчина? Эх, все несчастья у девок из-за мужиков.

Глаза старухи недобро сверкнули. Она погрозила мне ложкой, а после воткнула ее в кашу и резко придвинула почерневший котелок ко мне.

— Ешь вот.

Я с трудом удержала тоскливый вздох и посмотрела в окно, за которым темнело.

— И когда Вашек вернется? — пробубнила под нос, но старуха умудрилась расслышать.

— А ты не к юбке ли собралась парня привязать? Наведался он в кои-то веки в родную деревню, праздник у мальчика. Гронду¹ закончил, с друзьями отпраздновать приехал.

Именно. Еще и меня притащил с бабушкой познакомиться. Чтоб икалось ему! И ведь не в старом родительском доме оставил. Наверняка с друзьями свой выпуск

---

¹ Гронда — общепрофессиональное высшее учебное заведение, после окончания которого специалисты получают распределения на места работы.

там отмечал, неспроста уговаривал у бабушки переночевать. «Она милейшая старушка, присмотрит за тобой. Просто мужская компания подобралась, тебе скучно будет». Теперь понятно, отчего его родители дом оставили и в город перебрались, с таким-то милым одуванчиком под боком власть не наживешься. В последний раз я поддалась на подобные уговоры.

— Сама небось ничего не заканчивала!

Я уже заметила, что «милейшая старушка» не особо нуждалась в моих ответах, она вполне обходилась собственной болтовней. Но удержаться не смогла.

— Я окончила кастелану¹.

— Пф! — выдала старуха.

Такую же снисходительную реакцию я встречала у ее внука, который с гордостью вертел вчера перед моим носом именным медальоном с золотыми вензелями.

Да бездна огня с ними! Зато я сама деньги на обучение заработала и честным трудом, а не как некоторые намекали. В престижный салон тоже сама устроилась на работу. И у меня даже наследство имелось в городе. И хотя Вашек заявлял, будто дом годится только под снос, я планировала потихоньку привести его в порядок. Когда-нибудь. Когда средства появятся.

В животе заурчало, и я слизнула с кончика ложки кашу. Она оказалась неплоха. Особенно на мой непритязательный вкус, и я принялась угощаться.

— А огонь-то на косах так и пляшет. Точь-в-точь ведьма. Уж не приворожила ли Вашека? Вот карты раскину.

Я чуть не подавилась. Ведьма?! А они здесь на каком моменте развития застопорились? Может, до появле-

---

¹ Кастелана — узкоспециализированное учебное заведение, где обучают определенной профессии без широкого охвата разнообразных наук, как это происходит в гронде.

ния стихийной теории? Еще окажется, будто в основе мироздания вовсе не четыре стихии лежат, но высшие существа, одарившие людей разумом. А еще современные технологии медленно разрушают основы вселенной. Потому и печь на дровах, а вместо электричества свечка посреди стола, чей отсвет и заставлял мою косу отливать вишней.

Все, проведала деревеньку, пора и честь знать. А то ж не к ведьме, так к русалке припишут. Окажись я мужчиной, могли бы и к чернокнижникам отнести или к алхимикам. Таких в Средние века было пруд пруди. На каждом шагу встречались.

— Ты не хмыкай, — пробубнила старуха, раскладывая на столе карты. Опять же, гадала она, а ведьмой называла меня. За цвет волос! Да-а. А не пойти ли спать? Что бы ей карты ни сказали, а костра очищающего можно не опасаться. Минули те времена, да и кровинушка ее, когда предложение делал, не зря мне в вечной любви клялся. Бабкиных членовредительных потуг не одобрит.

Я зевнула и, буркнув: «Спасибо за ужин», — подхватила тарелку, ополоснула в деревенском умывальнике и отправилась в постель. Удобств здесь, конечно, не водилось, но кувшин с тазом у кровати имелся, а под кроватью — ведро. Я постояла некоторое время, таращась на это раритетное богатство, после чего принялась расплетать волосы. В отличие от того же Вашека, который мог после очередной пирушки с друзьями завалиться где попало и в чем попало, я предпочитала спать умытой и в ночной рубашке.

Волосы опустились ниже талии, щетка тихо шуршала в полумраке, рассыпая по длинным прядям красные искры, которые вспыхивали так ярко из-за огня свечи. Даже на свету мои волосы отливали бургунди, только если по ним скользили солнечные лучи, в остальное

время это был обычный темно-каштановый оттенок, который я никогда в жизни не пыталась разбавить современными красителями.

Задумчиво поглядев в окно, верхняя половина которого оставалась не прикрыта занавесками, полюбовалась на полукруглый бок наливающейся луны. Вдалеке шумел темными кронами тот самый лес, а в форточку долетал стрекот кузнечиков.

Что всегда нравилось мне в деревне: сельская тишина и живительный воздух, который можно было пить, точно родниковую воду. Однако отсутствие благ цивилизации шло в явный минус.

Положив щетку, поворочалась немного, подоткнула под бок одеяло, и сама не заметила, как провалилась в сон.

— Вашек пропал!

— Как пропал? — я в шоке уставилась на одного из друзей, явно мало пьющего или быстро трезвеющего, который единственным добрался до старушечьего домика этим ранним утром и поднял нас обеих с постели.

— Так пропал. Все парни на месте, а его нет.

— Где его нет, ирод ты этакий?! — кутаясь в шаль, крикнула старуха и схватилась за изогнутую клюку, прислоненную к печке.

— В избушке. Мы, матушка Эга, на спор решили к старому дому наведаться. На смелость друг друга испытать.

— Каким образом испытать? — подбоченилась я, оглядываясь в поисках такого же подходящего орудия, как у старухи.

— Кто не побоится там заночевать.

— И что, Вашек не побоялся?

— Мы вместе заночевали, — переступил с ноги на ногу парень.

Пьяные, разудалые, а поодиночке не отважились. Вот что старухины сказки с людьми делают.

— Ночью, мне слышалось, волки в лесу выли.

— Отродясь в нашем лесу волков не водилось! — вскинулась старуха.

Хм, а мне говорила, будто перевелись звери после заселения в чащу зла.

— В доме каком ночевали? Старом-престаром, с заколоченными ставнями, окруженном частоколом и железным забором?

— Э-э, — парень почесал макушку, — нет там железного забора. Кабы был, что нам те волки? Зато хибарка хлипкая, дверь еле держится, а в комнатухе мы вшестером едва уместились.

— А вой не спьяну примерещился? Может, Вашек с вами и не ходил никуда? Спит себе в родительском доме.

— Вместе в хибаре той пили, я помню, а утром его хватились.

Задумалась, пока парень, обернувшись к старухе, размахивал руками и убеждал прошерстить лес. Что мы в итоге имеем? На спор вся орава горе-друзей в пьяном угаре отправилась в чащу. В избушке довели себя до полной кондиции, затем ночью услышали волков и перепугались так, что, едва рассвело, ринулись обратно в деревню, а Вашека где-то потеряли. Немудрено, если в доме и позабыли. Я-то знаю, как беспробудно женишок спит, когда в опьянении. Он мог волков и не слышать вовсе.

— В избушке все обыскали? — попыталась упростить поисково-спасательную операцию.

— Чего там обыскивать в одной комнате? — удивился парень.

Я вздохнула и отправилась натягивать более удобную для лазания по лесу одежду.

Пара мужиков — надо отдать должное: матерых и при ружьях, — одна невеста, трое стойких дружков, кого смогли растолкать после беспробудно-бессонной ночи, — двое почили в глубоком сне, не поднявшись на поиски, — и старушка с пучком тлеющих и жутко смердящих трав, беспокойно то ли бормочущая под нос заклинания, то ли спрашивающая разрешения, но в целом очень гармонично завершающая общую картину мощного поискового отряда.

В лес углублялись со знанием дела. Впереди шагал один из мужчин покрупнее, позади тот, что помельче, а в центре все мы, по сути, совершенно бесполезные в случае выхода из кустов давешних волков, медведя или на худой конец несчастного заживо замурованного в избушке злейшего зла.

Сам домик возник перед глазами довольно быстро, я предполагала, что он очутится где-то в уж совсем непролазной чаще и выглядеть будет не как заброшенная избушка с картины в стиле сельская пастораль. Розовые кусты, пусть и колючие, но упоительно благоухающие распустившимися бутонами, довершали столь чудный пейзаж, что я даже не удивилась тому, как частокол вдруг оказался аккуратно покосившимся заборчиком. Единственным штрихом, хорошо вписавшимся во вчерашнюю страшную сказку о злобном зле, явилась сама старушенция, которая окурила сперва калитку, а после и входную дверь своим веничком. В единственную комнату избушки зайти оказалось непросто. Из-за дыма. У меня глаза заслезились, а голова загудела не только от бормотаний, но и благодаря ядреному запаху.

По-быстрому распахнув жалобно заскрипевшее окошко и прижав к лицу платок, я принялась оглядываться. Старушка уже выскользнула из дома и начала наматывать вокруг него круги. Внутри было пусто. Старая деревянная лавка и стол. Ни покрытых копотью котлов,

ни развешанных под потолком сушеных жаб и ящериц, ни алхимических пробирок, ни на худой конец тощего кота, злобно сверкающего глазами из темного угла. Даже чернокнижного жертвенного алтаря в центре комнаты не оказалось и попитра под черную-пречерную книгу. Вот совсем. Как неинтересно-о-о!

— Я говорил, нет его! Надо кругом дома следы искать! — заглянул в избушку друг Вашека и мгновенно исчез за дверью, не выдержав аромата курений. Старушка ему в ответ издала нечленораздельный звук по ту сторону из-за угла, однако я осталась внутри, раздумывая, что в любой уважающей себя избе должен быть подпол или, как там раньше говорили, погреб.

Глаза слезились, в голову набили ваты. Уж не знаю, что за курения использовала славная матушка Эга, принявшая меня за ведьму, но было дело, когда мы с ее внуком заглянули на одну вечеринку, с которой я сбежала сразу, а Вашек чуть погодя. После он полночи вещал мне о летающих розовых пони. Если и этот дым обладал галлюциногенными свойствами, то мой без пяти минут бывший жених пойдет работать по распределению сразу, как срастит себе перелом.

— Отлично! — я наконец-то узрела кольцо в полу. Обычное такое, железное и ржавое. — Кх, кх, кх! Да чем она тут обкурила?

Даже не являясь поклонницей трав непонятного происхождения, влияющих на психику самым неадекватным образом, я знала о последствиях возможного воздействия. Но и в этом случае не ожидала подобной подлости от старушки. Уже почти дотянулась до кольца, когда по моей шее провели... как будто рукой. Настолько нежно и ласково, что мурашки, побежавшие по телу, оказались размером со слона. Сердце, определенно решившее выполнить функцию слезящихся глаз, со-

бралось выскочить из груди и воочию наблюдать, что в пустой избушке точно никого нет. Никогошеньки!

Я плюхнулась на заднюю точку, попыталась успокоить колотящееся сердце и огляделась. Избушка была пуста. Дверь распахнута. Снаружи доносились голоса переговаривающихся между собой людей. Солнечные лучи пронзали задымленное пространство.

— Вашек, — позвала хриплым голосом и со страха — да чтоб всем сказкам о древнем зле пусто было — так дернула за кольцо, что крышка со скрипом стала подниматься. Внизу оказалось темно, но слуха коснулся лучший звук на свете — знакомый храп.

Вашек! Я закашлялась и уже хотела позвать тех, кто снаружи, когда от испуга выпустила кольцо, а крышка снова грохнулась на прежнее место. Просто, когда к осязательным галлюцинациям подключаются слуховые и негромкий голос тихим ветерком касается уха и шепчет: «Здравствуй», становится ну прям совсем хорошо.

Чисто по инерции вновь огляделась, прижимая руки к груди. Ветерок в солнечных лучах красиво взметал дым от порога и обращал его в причудливые фигуры. Вот дымные клочья изогнулись в форме крыльев большой птицы, вот они показались развернутой ко мне головой большого зверя, а вот разорвались провалами глаз, рта и легли волнами длинных волос на плечи мужской фигуры!

— О-о-ой.

Дым снова подернулся ветром, и протянутая ко мне рука вытянулась сизой старушечьей клюкой. Паника нахлынула как-то совсем внезапно — только что я собиралась сигануть в подвал к Вашеку, а вместо этого рванула на выход. И это решение было более правильным. Там по крайней мере маячил свежий воздух.

Я влетела в мужчину у самой двери. В дымные призрачные объятия, опутавшие точно сеть, в которой я забарахталась. Вероятно, ноги заплетались, и руки не могли нащупать проем выхода под действием сильнодействующего препарата, вот только глаза видели жутко притягательного мужчину. Поджилки тряслись от страха, но из-за необъяснимого притяжения меня точно магнитом приклеило к клочку пола на границе комнаты и двери. А ведь впереди был залитый солнцем проем, позади — подпол, где спал мой жених, но я замерла, словно кролик перед удавом, запрокинув голову и определенно наблюдая перед собой склоненное лицо. Я даже видела, как губы шевелились. Как они произносили что-то тише шепота. И чувствовала руки на своих плечах, прикосновения пальцев к коже, хотя краем глаза замечала, что кругом сплошной сизый дым. Высокая гибкая фигура просто мерещится мне. Как и поцелуй, забирающий остатки воздуха в легких.

«Назови...»

В голове звучал голос.

«...имя».

Луч солнца упал на кулон. Он преломился в янтаре, рассыпавшись во все стороны огненными лучиками, разорвав калеными гранями очертания касавшихся губ и темные провалы глаз, заплывав, точно отблеск свечи, красными искрами в упавших на лицо прядях волос, пронзив острыми шипами сизый дым и задрожав на грани сознания едва различимым яростным криком: «Ана!»

Я никогда не падала в обморок. Ни разу в жизни. Вот и сейчас тоже. Только осела на пол тяжелым, неподъемным кулем, хватая ртом воздух.

— Воздух — суть дыхания... — не закончила ритуальной фразы обращения к стихиям, вытянула руку к порогу и без сил уронила на нее голову. В мыслях царил

хаос, в легких горело, тело онемело. Прикосновения бесплотных губ и пальцев оставили на коже невидимые ожоги. Бред какой-то, это все нереально, но так осязаемо...

— Сэйна! — поток сознания оборвался где-то на фразе: «Сумасшествие». — Ты что?

Меня приподняли над полом реальные мужские руки, и друг Вашека обеспокоенно заглянул в лицо.

— Вашек в подвале, а я упала, — оказалось, что человеческая речь не отказала, хотя голос звучал глухо и хрипло. Вероятно, напрасно решила, будто онемела. Может статься, я даже была в состоянии произнести имя.

Поморщилась, голова качнулась из стороны в сторону, когда я попыталась напрячь мозги и понять, что за имя хотела произнести.

— В подвале?

Друг меня выпустил, а сам рванул в глубь комнаты, повинувшись указующему жесту. Он поднял крышку с еще большим усилием, чем я, и бодрый храп вновь разнесся по комнате.

— Эй! — раздался громкий крик, загудевший в моей голове подобно тяжелому колоколу, — я нашел Вашека. Все сюда!

Глава 2

— Из чего вы вяжете свои пучки?

Я помассировала пальцами виски и потянулась к кружке с горьковатой гадостью, которая, впрочем, мигом уняла сухость и зуд в горле, не желавший проходить и после трех стаканов воды.

Старуха с ворчанием бухнула отвар перед моим носом после очередного стенания на тему кошмарной вони и слезоточивого дыма.

— Знамо дело, из ведьминой травы. Дабы зло отгонять. Неспроста головушка у тебя болит, — сверкнула глазами милейшая бабушка Вашека, на что сидевший рядом жених простонал: «Мне от нее тоже нехорошо. Надышался в подвале».

Ну-ну. Дымом он надышался, как же.

Матушка Эга возмущенно зыркнула на внука, после чего наполнила еще одну кружку.

— А мне можно? — донесся робкий голос друга-спасителя, вызволившего жениха из подпола.

— Я всегда вам говорила, — потрясла пальцем старуха, протягивая третью посудину с животворящей жидкостью, — не ходите в старый дом. В лес шага не ступайте! Чего вас потащила нелегкая?

— Ба, тогда нам по пять лет было. С тех пор лес излазили вдоль и поперек.

— Дурачье! И вот эту туда же понесло.

— А? Сами-то вы еще долго Вашека искали бы по лесу.

И, кажется, никто особо не отговаривал, даже рассуждения помню, будто любовь в девичьем сердце верный путь укажет. Вот она и указала, мигом узнав громopodobный храп.

— И если уж говорить о вреде, то все живы-здоровы, а злее всего оказалась только ваша травка.

Мои слова и выражение лица старушке не понравились. Кабы милейший одуванчик сумел, просверлил бы во мне дырку глазами.

— Берегись, девка, — и пальцем погрозила, смерив таким взглядом, будто ведьма во плоти не только невинное чадушко приворожила, но и обманом в лес загнала, чтобы повод был поискать и в избушку наведаться. — Берегись, коли приметил! А иначе не будет спасения.

А мне даже обидно стало, ведь я Вашека отыскала, несмотря на галлюциногенный дым.

— Спасения от кого?

— Духа древнего!

— А имя у духа есть?

— Окстись! — рявкнула старуха. Я едва отвар не пролила.

— Коли душа имя узнает, то и прошлую жизнь припомнит. А припомнит, так и тело отыщет. Отыщет тело и силу вернет. Наведет чары на всех, кто его одолел, да наступит конец этому миру.

Мы с Вашеком и его другом переглянулись. Меня уже давно отпустило действие травки, а потому становилось ясно, что кабы не она, я бы с дымом в домике не обнималась. Жених с другом и вовсе к байкам привыкли. Наверняка настолько, что те уже в печенках сидели.

— Ба, хватит, — подтвердил мой вывод Вашек. — Наслышаны про зло из леса, про девок и прочее.

— Ага, — поддакнул друг.

Даже я не смогла удержаться, припомнив кашель, слезящиеся глаза и галлюцинации.

— Он явно девушек отлавливал, чтобы имя вызнать.

Хмыкнула, парни согласно хрюкнули в свои кружки, а старушенция схватила за клюку и так саданула по столу, что посуда зазвенела.

— Шутки все шутишь? — и вытянула палку ко мне, пришлось даже отклониться. — Не той имя известно, из кого силу берет, а той, кого сам позовет. Начнет тогда гадать, да вдруг и угадает!

Ее лицо перекосилось, глаза потемнели, а у меня едва внутренности узлом не стянулись, так бабуленция злобно скривилась. Вот уж не задалась отношения с будущей родней.

— Ба, ну ты чего? — заступился Вашек, я же поднялась.

— Ну, как у вас говорят, спасибо за хлеб, за соль, пора и честь знать.

Старушка разом растеряла весь пыл.

— Уезжаете? — беспомощно глянула на внука. А тот в ответ примерно с тем же выражением посмотрел на меня.

— Сюша! — теперь меня перекосило. — Ведь договаривались на два дня.

Молча повернула в сторону двери. Дернуло же за язык согласиться. И ведь долго уговаривал. Как чувствовала, что мне здесь будут не рады.

Я тщетно силилась игнорировать поскребывания с той стороны. Мало того что посреди ночи разбудил, зараза, так теперь и дальше уснуть не давал. И это не смотря на все, что я ему высказала.

— Вашек, катись! — не выдержала притворяться спящей. Впустую только спальню отвоевала, а его спроводила на диван в большой комнате.

— Сю-у-щечка-а, — с той стороны тихонько провыли ровно в той тональности, которая была неспособна потревожить сон наслаждавшейся заслуженным отдыхом старушки в соседней спальне. Но ведь я тоже заслужила! Так за какой бездной огня этот теперь уже точно бывший жених до сих пор не ушел в неизвестность?

— Феюшка моя.

Дурная вера в иных существ — это семейное, и то, что на смену ведьме пришла фея, в общем-то не меняло демоническую сущность неспящей девушки.

— Я скоро так намагичу, мало не покажется, — рывкнула достаточно тихо, но весьма эмоционально.

— Сэйна, у меня реально проблема.

А этот тон был хорошо знаком. Я даже насторожилась, пытаюсь распознать лживые нотки.

— Какая проблема?

— Серьезная.

Да что ж такое! И ведь не врет!

Замок негромко щелкнул, дверь отворилась почти без скрипа, а Вашек мрачной трезвой тенью просочился в комнату.

— Ну? — я скрестила руки на груди.

— Медальон, — поведал жених, и я заметила неслабую бледность, разлившуюся по его щекам и теперь переползавшую на подбородок. Признаться, у самой захолодело в груди.

— Именной?

Мрачный кивок.

— Потерял? — прижала руки к сердцу, не желая верить в смысл повторного кивка и пытаюсь осознать, что эта дубина стоеросовая где-то посеял именной медальон, выданный ему в честь окончания гронды. Тот самый, единственный в своем роде, на золотые вензеля которого я смотрела, затаив дыхание, отчего сам Вашек буквально лопался от гордости. Отличительный знак, что подтверждал подлинность обучения в высшем заведении и не мог быть подделан. Медальон, дававший право с гордым видом заявиться по адресу распределения и без лишних проверок предъявить его будущему работодателю. Уникальная золотая вещь стоимостью в пять лет учебы, за которую не я одна убила бы, имей способность изменить вензеля чужого имени и все тайные знаки, отмечавшие подлинность вещи.

— Он самый! — парень прервал мои мысленные словоизлияния и обреченно провел рукой по лицу. И вот честно, не будь он под два метра ростом и имей я возможность дотянуться до волнистой пустоголовой макушки, саданула бы со всех сил.

— Дуре...

Соглашусь, что превысила допустимые децибелы, а потому рука Вашека, закрывшая рот, очень кстати погасила мой вопль.

— М-м-м!

— Только не кричи.

Я согласно кивнула. Он выпустил меня и, запустив ладони в волосы, принялся бесцельно слоняться по комнате взад-вперед.

— Где потерял?

— Не знаю. Помню, как обмывали его с друзьями и что он все время был со мной.

— В дом, значит, брал? — можно было не уточнять. Чтобы Вашек да упустил такой повод похвастать!

— А если в подвале остался?

— Зачем ты вообще туда полез?

— Не помню толком. Кажется, сокровища искать. Мы с парнями с детства байки слышали, будто в стене заброшенного дома клад замурован. А сверху все стены бревенчатые, только в подполе земляные. Где еще муровать?

— О, как логично вы рассудили. И что, нашел клад? Или на медальон выменял?

Вашек громко вздохнул.

— Помню, что первый полез, а остальные не поместились.

— И решили выпить за твою удачу, раз даже позабыли, куда ты делся?

Жених пожал плечами.

— Я пару раз по стене долбанул, потом устал. Уснул как-то незаметно.

— Не ты один. Друзки твои только поутру заметили, что одного недостает. Правда, самый трезвый еще волков слышал. Ну и как теперь? С тобой сегодня за медальоном отправятся?

— Да я как бы, — он замялся, — не говорил им. Сама понимаешь, вещь золотая и..

— Уникальная?

— Редкая вещь. Хотя по назначению только хозяин использует, но стоит все равно недешево.

— Прекрасно!

Жених совсем загрустил, а я повторила его тяжелый вздох, в очередной раз подумав, что некоторым все слишком легко достается, что они в принципе не умеют ничего ценить, оттого и теряют столь просто.

— Значит, не доверяешь друзьям?

— Ну не то чтобы... к тому же они на радостях отметили успешные поиски. Заглядывал к ним, снова невменяемые.

Я насупилась и глянула на Вашека исподлобья, оценив, что к друзьям он не присоединился, значит, все-таки сильно переживал потерю.

— Знаешь, последнее чего хочется, это тащиться ночью в лес и снова посещать ту милую избушку.

— Бабушка с нами не пойдет, — принялся убеждать парень.

— Хотя один плюс. Предлагаю даже не брать с собой ее любимые травки, иначе не скоро вернемся.

— Ты пойдешь со мной?

— А одному страшно?

— Вдвоем отыскать быстрее.

И отыскать, и по-тихому вернуть, чтобы слух не прошел. А иначе и вовсе раритета лишат. В назидание. Бывали уж случаи. О восстановлении и говорить нечего. По крайней мере не при сегодняшнем главе элитной гронды Вашека, благодаря строгости которого обучение в ней поднялось до нынешних высот. Зато и распределения стали на порядок выше. Не зарплата, мечта!

— Надо незаметно сходить и быстро вернуться, — подтвердил мои умозаключения парень.

— Не знаю, твой друг волков слышал.

— Какие волки? Через лес напрямик за двадцать минут можно к дороге до города выйти. Если когда-то это называлось чащей, а в ней обитал кто-то страшнее белки, то явно лет сто назад, не меньше. Так ты идешь?

— Только чтобы осветить в темные углы, дурень, ползать в грязи и пыли будешь сам. А после мы прямо с утра вернемся в город, и я не стану более навещать твою милейшую старушку и разудалых друзей, сам к ним езди.

— Я тебя люблю! — жених ухватил в медвежьих объятиях, и в спине даже что-то хрустнуло. Крепкий он у меня был и, что греха таить, очень симпатичный, потому и мирилась с некоторой придурью. Избаловали единственного ребенка с детства, теперь я расхлебывала.

Высвободившись из рук Вашека, принялась собираться.

Ночью старая избушка выглядела гораздо загадочнее. Пустое окошко с распахнутыми мной же ставнями смотрело темными глазницами, а незакрытая дверь поскрипывала от дуновений ветра.

— Вашец, — я ухватила за ладонь уже занесшего ногу над крыльцом жениха и крепко вцепилась в нее. Нужно признать, парень и правда не боялся в отличие от меня. Хотя атмосфера располагала. — Не хочется туда входить.

— Я же не могу оставить тебя снаружи. Идем. Ты в избушке посмотришь, а я — в подполе.

И он протянул длинную серебристую трубочку, которую накануне отъезда зарядил до полной отметки. Будто предполагал, что мы обязательно куда-то полезем ночью.

С большой неохотой и еще большим неудовольствием зашла следом за ним в пустую комнату и притворила дверь. Вашец сразу направился к люку и поднял крышку. Он спрыгнул вниз еще быстрее, чем я щелкнула кнопкой светоча.

— Сэй, ни стихии не видно, — проворчал снизу жених. — Эти бабулины кристаллы!

— Какие? — я присела на корточки и осветила на Вашека, тот держал в вытянутой руке светящийся кристалл на веревочке. — Еще один раритет? Тоже прошлый век?

— Не со свечкой же идти, — пробурчал жених, — а светоч только один, думал сможем одновременно искать.

— Так на солнышке подержал бы свой кристалл, а после светить пытался, — фыркнула на стенания жениха и принялась водить лучом светоча по всем углам, пока Вашек поднимал камни и комья земли, ища под ними.

— Нашел?

— Нет еще.

Жених громко рылся внизу, точно крот.

— Сюда посвети еще. Кажется, что-то блеснуло. Да вот же он!

Луч света отскочил от гладкой поверхности медальона, торчавшего из земляной стены.

— Как он в стене оказался? — не меньше моего удивился Вашек.

— А ты, случайно, не там клад искал? — съехидничала я, когда жених принялся выколупывать кругляш. — Не им вчера копал?

Парень проигнорировал издевку и потянул медальон, вырывая вместе с земляным комом. В тот же миг вся стена рухнула.

— Вашек!

— Я в норме! — жениха присыпало наполовину, но благодаря габаритам не до конца. И он принялся разгребать уже самого себя.

— Медальон снова не потерял?

— В кармане уже... Сэй!

— Что!

— А ну свети в этот проем.

Выдохнули в унисон и остолбенели практически одновременно. Стена не просто осыпалась, она открыла деревянные подпорки, которые одновременно формировали решетку и поддерживали другие поперечные балки, вероятно державшие собой потолок.

— Мра-ак, — протянул Вашек, когда дар речи к нему вернулся.

— А что там? — я практически свесилась вниз, вглядываясь в темноту за решеткой.

— Ручаюсь, здесь точно зарыли клад!

— Выкопав яму в человеческий рост?

— А что еще тут может быть?

— Темница?

— Ты бабулиных рассказней наслушалась?

— А ты чьих наслушался, что в клад поверил?

— Да кто только из деревенских про клад не болтал.

Спускайся. Ничего не видно в этой темноте.

Я осторожно сползла вниз с помощью Вашека и даже поместилась с ним рядом, в отличие от медведей-дружков. Направила луч за решетку.

Странное дело, свет рассеивался настолько, что мы не могли увидеть ничего по ту сторону. Вероятно, пространство было большим, и лучу не хватало мощности, чтобы дойти до противоположных стен.

— Дай-ка на ощупь проверю.

Вашек просунул между прутьями руку, после попытался протиснуться сам.

— Ты не застрянь там, — посоветовала ему, соотнеся габариты жениха и расстояние между прутьями.

— Да уж, — он разочарованно подался назад, с заметным трудом пропихнувшись обратно, и оглянулся на меня. — А вдруг там до сундука или сундуков рукой подать, а я дотянуться не могу? Представь себе, если у нас под носом целая куча денег. Сколько всего можно купить! Даже дом твой, — хитрец затронул больную

тему, — отремонтировать. И родне всей нос утереть на этом вашем ежегодном сборище.

Я на миг прикрыла глаза, представив лица благодетелей-родственников и то, как они вытянутся. А еще можно будет открыть собственный салон, покинув «Модельных собачек» с их истеричными хозяйками. Ах, мечты! В реальной жизни подобные клады находят весьма редко, хотя не спорю, что тому виной случайности вроде этой. Но все равно не верю. С другими случается, а со мной жизнь всегда поразительно реальна.

— Ни зги не видно. Сейчас я выбью пару палок и...

— С ума сошел! Потолок рухнет, а следом вообще все осыплется. Это же похоже на темницу-ловушку, как в древности сооружали. Читал про такие?

— Эм-м.

— Выбьешь одну палку, и пошатнется вся конструкция.

Я для верности ухватила разошедшегося жениха за локоть.

— Уж тебе следовало знать. Медальон об окончании гронды за что?

Вашек фыркнул и принялся водить по прутьям ладонями, замеряя пространство между ними.

— Сюша, ты ведь худенькая. Точно пролезешь.

— Мне даже не видно, что там.

— Я буду держать тебя за руку. Попробуй пролезть, если что, мигом затащу обратно.

Признаюсь, я могла бы и дольше колебаться, но обстоятельства сложились такие... будоражащие. Во-первых, любопытство. Во-вторых, надежда. В-третьих, адреналин. И, конечно, ощущение поддержки Вашека сыграло свою роль. Все это вместе перевесило чашу сомнений и опасений в пользу пролезания сквозь прутья.

Застрjala я совсем чуть-чуть в самой выпяченной части тела, но любимый жених с чувством протолкнул сквозь решетку. Он, как и обещал, крепко держал за ру-

ку. Я же, прижавшись спиной к прутьям, скользила лучом в темноте. Точнее, сделала попытку. Светоч мигнул и погас.

— Э? — выдал за спиной Вашек, пока я судорожно щелкала кнопкой и в испуге стискивала пальцы жениха. — Что там?

— Светоч не работает.

— Вечно он барахлит в неподходящий момент! — проворчал парень. — Погоди-ка.

Он забрал металлическую трубочку и сунул мне в руку кристалл.

Камень на ладони внезапно разгорелся ярче, словно абсолютная темнота была именно тем, что ему требовалось. Я вытянула руку с веревочкой, позволяя кристаллу качнуться вперед, разбрасывая по кругу лучи. Темнота не отступила, но рассеялась ровно настолько, чтобы лишний раз подразнить, побуждая непрошеного гостя продвинуться еще дальше.

— Ну? — теребил меня Вашек.

— Толком не разглядеть.

Я сделала осторожный шаг вперед, ощущая твердую почву под ногами, и решила отпустить на секунду пальцы жениха. Еще один крохотный шаг и... сорвалась.

Дыхание перехватило, в ушах засвистело, мысль: «Там кругом был земляной пол!» мелькнула по краю сознания, ладони чиркнули пустоту, и я сиганула вниз с обрыва.

— Вашек! — крик гулом разнесся по темному пространству, когда в легких оказалось достаточно воздуха для вдоха и для призыва о помощи. Голова кружилась, тошнило столь сильно, что, едва прокричав имя жениха, я тут же зажала руками рот. Но мозг работал четко, и он зафиксировал удивительный момент — удара не последовало. Упав, я нисколечко не ушиблась, однако ощущение прыжка осталось отчетливым и ярким.

А еще вокруг была пещера. Темная, сырая, и стены проглядывали в полумраке, а все кругом неровно освещалось бликами от слюдяных вкраплений в породу.

— Четыре стихии! — огляделась, слушая мерный стук капель воды и неясные шорохи. Кристалл лежал тут же, возле ноги, словно я просто присела на корточки, а не сорвалась в небытие. Его свет оказался удивительно похож на мерцание остальных минералов в этом странном месте.

В полумраке не было видно деталей, но осмотреть закрытое пространство, чтобы в шоке остолбенеть, мне удалось.

— Вот и не верь после этого бабушкам, — прошептала самой себе, чтобы просто услышать голос и понять, это действительно я, живая, невредимая, самую малость тронувшаяся рассудком.

Ущипнула руку и осознала — это все еще я и именно мои глаза видят распятого у одной из стен человека. Словно в какой-то древней легенде — руки за запястья прикованы к скале, ноги вмурованы в гранит, а вокруг шеи широкий металлический ошейник. Голова бессильно свесилась на грудь, а вся фигура выглядит застывшей и неживой. Как изваяние, но выполненное очень искусным скульптором.

— Вашек, — позвала тихо и жалобно, но жених не откликнулся. Признаюсь, если бы мужчина у стены вдруг поднял голову, отреагировав на призыв, я рисковала получить настоящий разрыв сердца, но он не подавал признаков жизни.

Будь на моем месте какая-то другая девушка, например романтическая героиня повести, она бы непременно двинулась вперед к незнакомцу, но я не страдала отсутствием мозгов. По крайней мере прежде. Даже могла похвастать тем, что раньше мои поступки отличались логичностью и последовательностью, если не принимать во внимание факт поиска сокровищ на пару с же-

нихом. Вероятно, там сверху упало что-то на голову, и сейчас бред казался оглушенному мозгу настоящей реальностью.

Стена за спиной, по которой тщетно шарили мои руки в поисках отверстия, поражала шероховатостью, твердостью и полным отсутствием даже намека на выход. Его не было совсем нигде. Замкнутое пространство некой подземной горы, тихий шелест капель, призрачный свет и стущающаяся в душе паника. Я старательно сдерживала желание заорать и не сдержала, когда в голове раздалось: «Ана».

Визг заполнил собой темное пространство, отразился от стен, разбился о камни и умножился стократным эхом. Когда его отзвуки стихли, я и правда верила, что случится обвал. Но камни не пошевелились, как и человек у стены, к которому приморозился мой исполненный страха взгляд. И это явно не он говорил в моей голове.

«Ана».

Я стиснула уши руками и принялась оглядываться, паника уже трансформировалась в ужас, от которого хотелось забиться куда-нибудь под один из каменных валунов. «Воздух — суть дыхания, вода — исток жизни, пламя — искра сердца, земля — ядро разума. Стихии, даруйте защиту и дайте сил. Проясните мысли, осветите путь». Я шептала на едином выдохе, призывая ритуальной фразой спокойствие снизойти на меня, всегда такую сдержанную и разумную. Спокойствие не снисходило. Оно не сподобилось рухнуть следом за мной к подножию этой горы.

В моей голове звучал голос. Чужой голос.

— Кто такая Ана?! — страх сорвал вопль на хрипящий шепот.

Стихии, может, это капли шуршат? Они всего лишь стучат о камни и выбивают ритм, а для меня он звучит подобно имени?

Я стиснула ладони и задала самый идиотский вопрос в стиле героини из слезливого чтива, над которым здравомыслящие люди — к ним прежде относилась и я — могли только потешаться:

— Кто здесь?

«Никого. Ни одной живой души, кроме тебя», — было самым здоровым ответом, но я уже прочно сроднилась с незадачливой героиней, поскольку к глазам подступили слезы, а в мозгу множились голоса.

«Ана, Ана, Ана», — шепот, как легкое дуновение.

— Здесь нет Аны! — визг опять пронесся по пещере, а я сосредоточила взор на единственном объекте, который здесь находился. — Вы, вы... Это вы говорите?

И дураку было понятно, что не он. Значит, ко мне не подходило звание дуры, а вот помешавшейся — вполне. Но как такое могло происходить на самом деле?

И ведь в этот раз не было зелья. Если только мы с Вашekom не надышались ядовитыми парами в том подвале после обвала стены. Это могло стать объяснением? Могло. Пещера, прикованный мертвец, звуки в голове. Откуда им еще взяться?

Капли шелестели, а я слышала голоса. Оглядывалась в пугающем пространстве, и казалось, будто эхо чужих слов отскакивает от стен. Они просили что-то сделать, а может, напротив, требовали не делать. Из этой какофонии я не могла понять ни звука, но при этом слушала: «Сэй Ю Ари Тэ Анна, Мэ Ю Нэр, Сэй Ю На, Сэй На».

Я вздрогнула сильнее, чем когда-либо прежде, ощутив промозглый сырой озноб.

— Вашек? — задрала вверх голову, но увидела лишь потолок пещеры.

Вновь положив ладони на камень, принялась на ощупь передвигаться вдоль стены подальше от застывшей фигуры.

— Я слышу! — крикнула в пространство. — Кто вы такие? Что вы говорите? Что вам нужно от меня?

Всего лишь капли стучат. Это просто вода.

Голоса отдалялись, теперь и звуки стало совершенно не разобрать. Я двигалась быстро на ощупь, позабыв позади кристалл, опустив глаза в каменный пол. Я хотела уйти как можно дальше от застывшей фигуры, пока новый вопль ужаса не сотряс своды пещеры.

В суматошном животном страхе проползла ее по кругу и не просто приблизилась к тому, от чего бежала, но почти коснулась холодной мраморной ладони, прикованной к скале, пока пыталась ощупать камень. Просто вовремя подняла голову, чтобы посмотреть вперед, и увидела застывший профиль на расстоянии вытянутой руки. Оттолкнувшись, упала и сжалась на полу, крепко обхватив колени и запрокинув голову. Казалось, еще чуть-чуть, и рассудок вовсе покинет меня, оставив насовсем в этой гулкой застывшей пустоте.

— Кто ты? — спросила шепотом. — Я хочу уйти отсюда! Как мне уйти?

Молчание, воцарившееся за чередой безостановочно дребезжащих в голове голосов, оказалось неожиданно громким. Слова отдалились и затихли, погрузив мир в тишину. Я с силой зажмурилась, прижав лицо к коленям, и перед опущенными веками вдруг сделалось нестерпимо ярко. Так ослепительно, что я пропустила падение в очередной омут со сверкающими стенами и темным бесконечным дном. Нырнула на всю глубину, чтобы среди ослепительной тьмы вдруг осознать, что вглядываюсь в омуты чужого взора и всем существом осознаю боль, сладость и тоску, а сердце сжимается от взгляда, способного убить холодной пустотой, за которой едва угадывается боль, моя боль, отраженная стократно. «Ана!» Темный колодец отпускает, выталкивая наружу под бешеный стук в груди.

Я хватаю ртом воздух и откидываю голову.

Стихии!

Это просто сон. А я сижу на полу в темной пещере. Сон? Нет. Воздействие ядовитых паров. И оттого испарина на всем теле. Плохо и тошно. А еще до сих пор больно от ошеломивших меня чувств. И невероятный контраст в ощущениях. Как на острие, по обе стороны обрывы, две противоположные сущности. Я представляла их иначе. Не знала, что одна сродни другой и может вот так ломать, выкручивать суставы и резать острым клинком. Острая боль, яркая сладость, огненная тоска. Все чужое. Все не мое. Просто помешательство. Может, стоит лечь, чтобы камень приятно охладил опаленную чувствами кожу. Или же встать? Подойти к тому, что пугает в этой пещере больше всего? Убедиться в его нереальности и покончить наконец со всем бредом.

Приятно лежать с закрытыми глазами и не шевелиться, пока чувства успокаиваются, сердце перестает невозможно болеть. Это ведь не по-настоящему. Все хорошо. И человек у стены ненастоящий. Он пришел из бредового сна, навеянного чужими рассказами, оттого столь страшит.

Тишина. Но обычная. В ней опять слышен стук капель, просто стук капель, и неясные шорохи. А свет вкраплений породы блекнет, погружая пространство в еще бóльшую темноту.

Взгляд вернулся к фигуре у стены. Не исчезла? Нет. Эта часть моего бреда пока оставалась на месте. Надо просто коснуться. Подойти. И мираж сам развеется.

Смутно отметила, как встала с пола и отправилась вперед. Никто не звал, голоса затихли. Я подняла руку. Привстала на цыпочки и потянулась вверх. Лишь прикоснусь и взгляну напоследок в это лицо с закрытыми глазами.

Вблизи стало понятно, почему фигура сперва показалась похожей на изваяние. По коже разливалось

слабое сияние из-за хрустальной корочки, отражавшей сумрачный свет. Точно кто-то заморозил этого мужчину в тончайшем слое льда. Он был холодным. Я ощутила это, дотронувшись до лица. Мираж не развеялся от прикосновения, но отчего-то не было сил бороться с желанием провести по щеке будто только-только задремавшего человека. Словно он вынес тяжелую борьбу, а после, утомившись, уснул. Опустил голову, кисти рук безвольно повисли в металлических кандалах.

Бедный, бедный. Как жаль тебя. Я прикоснулась легонько, чтобы не потревожить покой. Провела рукой неощутимо, и мгновенно со стоном отдернула.

Кристаллы льда показались сотней ощерившихся игл, оцарапавших кожу. Кровь выступила на пальцах, а капли породы вспыхнули, как настоящий огонь, и погасли. Стало беспросветно темно и ужасно тошно. Голова закружилась. Мир покачнулся, и кто-то резко дернул меня за запястье.

— Сэй!

Вашек потянул к себе, протаскивая сквозь прутья обратно в подвал. Потряс за плечи, лоя бессмысленно блуждающий взгляд.

— Вашек?

— Кто ж еще? Ты что не отвечала?

— Вашек! — я обняла его за шею, прижалась всем телом, чтобы ощутить настоящее живое тепло. Ужасно холодно, а в голове темнота и туман, хотя на полу подвала горел светоч.

— Ты нашла хоть что-то?

— Где?

— По ту сторону!

Я спрятала голову на груди жениха.

— Сэй, да что такое? — он слегка встряхнул за плечи, побуждая вновь посмотреть на него. — Что там есть?

— Там? Темно и...

— И что?

— Камень. Пещера. Холод.

— И все?

Я отпустила его и потерла гудящие виски. Под пальцами словно до сих пор ощущалась шероховатая поверхность. Ладонь покалывало. Разжала и сжала кулак, рука чуточку онемела.

Жених разочарованно приник к прутьям.

— Всего лишь пещера? Может, кто другой нашел вход с той стороны и давно вынес сокровища! А я так надеялся. — Вашек был удручен, а у меня ныло в висках, но это не помешало услышать треск и замереть, напряженно прислушиваясь.

Нет. Не почудилось! Треск донесся со стороны решетки из темной глубины.

— Вашек! Уходим отсюда, сейчас же!

Жених схватил за талию, толкая вверх, к люку.

Глава 3

Нам повезло. Причем очень. И пускай не в том смысле, в каком могло бы, найди мы сокровища, но, на мой взгляд, выбраться живыми — настоящее счастье.

— Еще пара минут, и конец!

Вашек беспрерывно оборачивался на рухнувший дом.

— Мне казалось, он гораздо крепче, хоть и старый. Думаешь, там что-то сдвинулось из этих подпорок, когда ты пролезала обратно? Мне почудилось, один из прутьев пошатнулся, пока тебя затягивал. А представь себе, что я там ночью не только клад копал, но еще спал внизу. Мороз по коже! Сэй? Ты чего молчишь?

— Тоже мороз по коже.

А еще едва ноги переставляла. Никогда прежде не ощущала подобной усталости.